

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

ЧТО ГОВОРИТ И О ЧЁМ УМАЛЧИВАЕТ Е. РОЙЗМАН?

Наркоборец в роли писателя

“Город без наркотиков” – озаглавил свой труд гроза наркоторговцев и по совместительству мэр Екатеринбурга. Избранию на высокий пост он во многом обязан деятельности Фонда с тем же названием. Организация прославилась на всю страну бескомпромиссностью в борьбе с распространителями “зелья”, а также крутыми методами лечения наркозависимых. Пресса полна рассказов о том, как их приковывают наручниками к кроватям, и прочими шокирующими подробностями. Кого-то такой экстрим восхищает, кто-то возмущается. В любом случае, поисковые страницы мировой паутины полны ссылками на материалы о Ройзмане и его Фонде.

Радует

Понятно стремление автора привлечь громким названием внимание к книге, одновременно в очередной раз разрекламировав свой Фонд. Действительно, организация, созданная Ройзманом, – проект уникальный, заслуживающий признательности не только тех, кого удалось “вытащить”, но и всех тех, на чью жизнь он хоть как-то повлиял. А это, как ни крути, далеко не только горстка успешно прошедших реабилитацию (горстка – не преуменьшение, а реальность статистики выздоровления). Это их близкие, это те, кого борьба Фонда помогла оградить от первой пробы наркотика, потому что десятки барыг, которых успели посадить силами Фонда, в свою очередь, не успели посадить на наркотик сотню или тысячу ребят. Работники Фонда и в первую очередь сам Ройзман заслуживают признательности и от страны, в которой,

ТУЛУШЕВА Елена Сергеевна родилась в 1986 году в Москве. Окончила Институт психотерапии и клинической психологии и Институт психоанализа. Работала во Франции и США. Сейчас старший медицинский психолог в Центре по работе с подростками, страдающими наркозависимостью. Как прозаик дебютировала в 2014 году в журнале “Наш современник”. На Совете по критике СП России публикацию назвали лучшим дебютом года. За шесть месяцев рассказы Тулушевой напечатаны в десяти изданиях, в том числе в газете “День литературы”, на сайте “Росписатель”, в журналах “Волга-XXI” и “Берега” (Россия), “Нёман” и “Новая Немига литературная” (Беларусь), “Простор” (Казахстан), в сборнике “Новые писатели”. Живёт в Москве.

благодаря их работе, о наркомании стали говорить громче, спорить активнее. Как говорится, в споре рождается истина. Безусловно, вызов обществу брошен. Сделана хотя бы малая попытка расшевелить рафинированные мозги многомиллионного населения. Но это про работу Фонда. Мне бы хотелось сказать о книге Евгения Ройзмана.

Аннотация сулит нам “детектив, триллер и психологическую драму одновременно”. Однако после прочтения понимаешь, что ни в один из этих жанров книга не вписывается, а уж тем более не сочетает их все. Может, кто скажет, что жанр не важен, важна проблема, постановка вопроса, вызов обществу. Но достучаться до читателя с помощью одной лишь идеи невозможно. О самой проблеме наркомании знают все, так или иначе. Знали и до выхода книги, и до создания Фонда. Но, к сожалению, человек устроен так, что пока эта проблема его не коснется непосредственно, он пальцем не пошевелит. А вот если коснется... да, пожалуй, будет уже не до книг.

Разочаровывает

И вот здесь-то возникает первый вопрос: для кого написана книга? Она представляет из себя по сути огромный детализированный отчет о борьбе с наркоторговцами (все же не с наркоманией, увы) в отдельно взятом городе. Кто читатель? Имею смелость предположить, что автор не просто хотел потешить самолюбие, поставив галочку в личном опыте напротив графы “писатель”. Даже если целью была реклама или модный нынче “PR-ход” (ничего зазорного в этом не вижу), задача номер один – либо привлечь внимание новой аудитории к этой теме, либо удовлетворить любопытство людей знающих, ждущих повода в очередной раз ее обсудить.

Начнем со второй группы. Это все те, чья работа тем или иным образом связана с проблемой наркомании (сотрудники здравоохранения, социальных служб, педагоги в школах, полиция, бесконечные КДН, общественные организации по работе с детьми и подростками, чиновники всех мастей и положений), и, безусловно, сами употребляющие, их родственники, друзья, коллеги. Жаль, но эта категория читателей не найдет в книге чего-то нового. То, о чем пишет Ройзман, им и так известно.

Каждый день они слышат десяток историй, подобных тем, что бегло рассказаны в книге. Пунктирные обозначения судеб достаточно однообразны. Как говорят сами зависимые, более или менее осознающие реальность, вариантов финала всего три: психиатричка, тюрьма и кладбище. Так заканчивают все, кроме той мизерной части, которая все же успевает бросить (а это, по разным данным, от 4 до 9%).

Полагаю, автору следовало бы копнуть глубже, поискав истоки трагедии в детстве несчастных, в боли и горе их самих и их близких. За каждой историей наркомана – ворох предпосылок. Но этой глубины в книге Ройзмана не найти. Между тем те, кто работает с ними непосредственно, знают: предыстория важна не менее самой истории болезни.

Кстати, мне не понаслышке известно, как тяжело с ними работать! Несовершеннолетние наркоманы ведут себя совсем не по-детски. Озлобленные на весь мир за то, что их лишили привычного способа получения удовольствия, они выплескивают свой гнев на людей, которые пытаются хоть что-то изменить в их жизни. И это логично: большинство из них пока что ничего менять не хочет. А кроме того, многие, как брошенные собаки: родители оставили “лечиться”, и больше не появятся до самой выписки (зачем? – ребенок под присмотром, да и пусть помучается, одумается, “будет ценить”). И персонал получает всю ту злость, которая предназначена совсем другим людям. В этих душах она уже сидит, и ее надо куда-то деть. Угрозы, оскорбления, нецензурная брань, плевки, жесты – с этим приходится сталкиваться каждый день. Согласитесь, не очень приятное “поощрение” за заботу! Но как бы тяжело ни было, врачи знают и видят: за каждым наркоманом стоит ой какая непростая семья. И сколько бы кто меня ни уверял, ну не бывает наркоманов в адекватных семьях! НЕ БЫВАЕТ. Не растут они сами, их ВЫРАЩИВАЮТ. Постепенно и, на первый взгляд, незаметно: в семье, в школе, во дворе. День за днем детальки складываются в одну большую мозаику.

Не дает ответа

Какой бы благополучной ни казалась семья внешне, в общении с родителями и пациентами все равно всплывают одни и те же узлы. Да, их безусловно много, это не одна травма детства, будь то развод родителей или смерть кого-то из близких. Обычно это цепочка событий и определенных отношений с внешним миром. Потому в отличие от Евгения Ройзмана я все же считаю наркоманов людьми больными. Нет, я не оправдываю поступки употребляющего. Но еще до того, как он попробовал наркотики, этот человек уже изрядно получил пинков от жизни.

“Наркомания – не болезнь. Если кого и лечить, то родителей!” – утверждает Ройзман. Со второй частью высказывания полностью соглашусь. Но, в таком случае, заметьте, вряд ли могут быть здоровыми дети у родителей, которых надо лечить. Бытовое мнение, что начинают употреблять от безделья, слишком поверхностно. От скуки – пожалуй, да. Но это не просто скука, это тоска, сидящая где-то глубоко внутри, с далекого детства. Так и вопрос к нам – всем тем, кто в ответе за растущее поколение: как вышло, что им скучно жить? Почему мы допустили это? И вопрос к тем старшим, которые так часто попрекают: “Вот в наше время...”. Почему вы не создали для своих детей **такое же** время? Только ли они виноваты, что жить им неинтересно? Общество? Но ведь его создали те самые взрослые, которым теперь проще обвинить кого угодно, но не себя. А ведь страшно это: мальчишке в 12 неинтересно жить! Он ищет, как себя развлечь, но обычные радости уже не доставляют удовольствия. Что происходило с ним с детства, что ему **уже скучно**?

Перед моими глазами проходят жизни пациентов: первое поступление (первые пробы алкоголя, наркотиков, уходы из дома), госпитализация через год, два, четыре. И вот ему семнадцать, и он с ухмылкой говорит, что через год его уже никуда не запихнут, и мы понимаем, что дальше мы можем лишь звонить в социальные службы и узнавать: жив ли еще...

...Влад поступил к нам первый раз в одиннадцать. Странная мама: вроде бы сама привезла, настаивала на том, чтобы прошел реабилитацию, но рассказывала обо всем с ухмылкой. Влад нюхал клей и газ для заправки зажигалок. Дома об этом знали. Как боролись? “Хорошей трепкой” – улыбается мама. Помогло? – ответ очевиден.

Как так вышло? “Это они всей своей идиотской компанией удумали нюхать...” Родители, а почему именно ваш ребенок “удумал” нюхать, а сотни других – нет? Почему ваш оказался в “идиотской компании”? Почему после первого раза случился второй, третий?

Кожа у Влада землисто-зеленого цвета. Глаза карие, темные волосы – похож на вороненка. Сидит, слушает мать и улыбается, по-детски так. Для него все это еще игра: он с восторгом рассказывает, какие видел галлюцинации, и как его “спалил” отчим, потому что он заорал в туалете, когда увидел гигантского паука с кровавыми глазами. Мама, слушая Влада, хихикает, воспринимая все это то ли как шутку, то ли как игру.

Вопрос, как часто собирается участвовать в реабилитационном процессе (лекции для родителей, группы, консультации, беседы и пр.), ставит мать в тупик: у нее внучка шести лет. Дочь работает, внучка в сад ходить не хочет. А ее к школе готовить надо. Так они всегда вместе с Владом у нее “под присмотром”. А теперь, раз Влад в реабилитационном центре, то она сосредоточится на внучке, о нем-то здесь позаботятся.

Вариант тупиковый. Бьемся, объясняем, просим, требуем, иногда даже угрожаем жалобами. А толку! Мать приезжала только по выходным с полными сумками еды и вопросами: “Одумался? Больше не будешь?”. Влад честно выполнял все задания, ходил на мероприятия, слушал, участвовал, занимался... Только жалко его усилий, все зря. Потом его забрали домой, и о нем не слышали четыре года. Даже мелькнула надежда – может, попал в те самые 9%? Может, до матери достучались?

Второй раз Влад поступил в пятнадцать лет. Та же зеленая кожа, только вся в угрях. Двух передних зубов нет. Нос косой: сломали, а ровно так и не сросся, оттого все время дышит ртом. Волосы темные, сухие, торчат клочками, уже с сединой. Глаза смотрят вяло и безразлично. По тестам диагностики Влад не справляется с заданиями для 13 лет. Про современный мир он знает мало, в основном про виды наркотиков, цены и точки, где можно достать.

Тогда в одиннадцать после выписки Влад продержался полгода. А потом отчим начал бить за оценки в школе, видимо, решил окончательно “исправить”...

В пятнадцать Влад нюхает наркотики ежедневно. Нос плохо дышит, оттого он часто берет дозу больше, чтобы уж точно “пошло”. Отчим продолжает бить, но Владу абсолютно все равно. Он одурманен и боли не чувствует. Да, на него “нет управы”, мать уже не смеется, а вздыхает. А где они были все эти четыре года? Думали, как-то сами справятся... “Приходить на занятия будете?” – А, снова внучка! Внучка у нее молодец, талантливая скрипачка, ее надо возить на другой конец Москвы, а некому. Раз уж ее не упустили, надо ребенка развивать. А этот...

Через год Влад употребляет внутривенно. При госпитализации и ему, и нам понятно: ничего не поможет. Персонал молча слушает, уже не пытается что-то объяснить, убедить, донести до матери. А она причитает, плачет. Но не о нем, а о пропавших из дома деньгах, украденных украшениях, о слезных разговорах со следователем и попытках откупить сына.

Вот тут начинаются истории, как у Ройзмана: и дома все крушит, и племяннице угрожает, и отчима “отметелил”. Жестокий, управы нет, ничего не боится, дружков водит, угрожает, насмехается. Вот он – наркоман в полном соку. Жить с ним действительно теперь страшно. И всем жалко мать и всю семью...

Только кто-то же сделал его таким? Это не болезнь? Другое слово найдите. Но только говорить, что ребенок, ежедневно медленно убивающий себя (отлично понимающий, что идет к смерти) – здоров, по меньшей мере не логично. Здоровый человек здоров и телесно, и духовно. У наркомана калечат душу, а тело само ищет, как бы подстроиться, и находит способ искалечиться.

Возмущает

К теме семьи вернусь чуть позже. А пока об утверждении Ройзмана, что **“главный нарколог страны тоже так считает”** (про то, что наркомания – не болезнь). Фраза брошена красиво, да вот только, несмотря на бесконечные перечисления в книге фамилий и должностей, конкретных дат и событий, она почему-то не подкреплена цитатами. В связи с чем вызывает очень большое недоверие. Имея достаточно полноценные знания о том, какого взгляда на наркоманию придерживаются в Минздраве, полагаю, что фраза лишь для пафоса, потому как приписать ее некому, как бы ни хотелось автору найти соратников в медицинских кругах. Е. Брюн (главный нарколог страны на момент публикации книги) явно придерживается другого мнения, О. Зыков (предшественник Е. Брюна) – тем более.

Не веришь и “волшебным” историям о том, что были зафиксированы случаи, когда у ВИЧ-инфицированного наркомана после отказа от употребления тесты вдруг показывали отрицательную реакцию на ВИЧ... Это уж совсем “байки из склепа”, извините. Непонятно только – зачем? Возможно, чтобы заманить наркомана надеждой, что все получится, если бросишь? Да только на лжи не построить реабилитации! Не говоря уже о том, что не будет наркоман читать подобную литературу.

Огорчает

Кстати, к вопросу о реабилитации. Вот уж что могло бы заинтересовать понимающего читателя. Ведь о том, какой она должна быть, постоянно идут дебаты. Автор приводит примеры того, как пытаются “вылечить” наркоманов в пятизвездочных клиниках со шведским столом, сауной и пр. Называть конкретные фамилии и клиники не буду, так как рекламировать платные центры считаю вредным: так уж устроена психика человека – раз дорого, значит поможет, а если бесплатно...

С критикой подобных методов люкс класса соглашусь безусловно. Ничего полезного в роскоши для наркомана быть не может в принципе. Но вот что непонятно – в книге не найти рассказа о реальных методах реабилитации в Фонде “Город без наркотиков”. Есть пара фраз про удержание в подвале наручниками на первое время, а дальше лишь отчеты о том, что и как построили, как учатся дети в школе, как ухаживают за животными.

Критикуешь – предлагай. Но предложений не видно, по сути, ни одного. Потому и ощущение складывается, что борьба Фонда нацелена лишь на нар-

которговцев, а не на сам феномен болезни. А это, к сожалению, борьба узконаправленная и недостаточно эффективная. Ну уберете вы таджиков, цыган, барыг. А что сделаете с аптечными препаратами, а с клеем, газом, лаком? Возможно, кто-то считает, что это всего лишь баловство, но видели бы вы пациентов, которые в течение года нюхали клей. Говоря языком ненаучным — “мозга не осталось”. Они такие же, как Влад, — эти зеленоватого цвета мальчики с отсутствующим выражением лица. И результат этого саморазрушения порой покруче, чем от известных наркотиков. Такие мальчишки никуда не денутся, даже если убрать барыг.

Суть проблемы глубже. На мой взгляд, главный вопрос в том, **почему хотят употреблять?** Но на него Евгений Ройзман ответа не ищет. Занят борьбой.

... Паша поступил к нам в четырнадцать. Его доставили из детской больницы с огромной резаной раной на ноге. Ребятам он хвастался, что заработал в драке. Его привезли работники социальной службы, которые пришли в квартиру в очередной раз “поговорить” с матерью-алкоголичкой. Пашу нашли не сразу, сначала милиция общалась с пьяной компанией матери, пытаюсь узнать у нее, где же все-таки ребенок. В соседней комнате Паша прятался в шкафу от собственных клеевых галлюцинаций. Когда его забирали, мать в пьяном бреду кинулась на сына с ножом, порезала ногу.

Клей Паша нюхал с восьми лет. Он не помнит времени, когда мама не пила. Отец у Паши есть, но у него своя семья, вполне успешная. В наш центр отец приезжал несколько раз с вкусной едой, книгами, витаминами, одеждой. Но когда сын робко спросил, можно ли не в детский дом, а к папе, потому как мать наконец-то (через много лет беспробудного пьянства) лишают родительских прав, отец приезжать перестал, видимо не зная, как в лицо отказать парню. И винить его не будешь — там нормальная жена, подрастает дочь, как притащить в дом сына-наркомана, да еще и воришку? У всех своя правда...

Только вот и согласиться с господином Ройзманом, что “наркоману просто удобно употреблять”, не получается. Кто в ответе за сломанную судьбу Паши? Где ему найти опору, повод, чтобы жить по-другому? Паша оказался не нужен тем людям, которые дали ему жизнь. Вы действительно думаете, что ему поможет “лечение” в виде наручников, которое практикует “Город без наркотиков”?

Не удивляет

Что еще может предложить читателю книга? Тема продажности государственных служащих — не новость. Зачем заглядывать далеко в регионы? В центре Москвы, именно в самом центре, существует огромное количество известных точек, причем известны они не только наркоманам, но и людям власть имеющим. В отличие от Ройзмана, называть адреса не буду, поскольку считаю это в любом случае рекламой. Ну бизнес это, точно такой же бизнес, как и война. Колоссальные обороты средств!

Кто бы спорил: коррумпированные чиновники вне зависимости от ранга должны быть изобличены. “Оборотней в погонах”, использующих свое положение для “крышевания” наркоторговли, необходимо назвать по именам. Город должен знать и таких своих “героев”. Спасибо Ройзману и Фонду за нужную и опасную работу. Но я полагаю, что ситуация с “оборотнями” напоминает ситуацию с барыгами: посади одних, им на смену придут другие, только более хитрые, более осторожные, знающие о разоблачителях вроде Ройзмана.

Проблема лежит глубже, чем просто в сфере оборота наркотиков. Это ведь проблема нашей российской Системы. Системы, где “деньги не пахнут”, где прибыль диктует условия игры, в которой можно использовать любые болезни и беды современного общества. Вот бы услышать от Евгения Ройзмана критику самой Системы и поиски способов ее изменить. Но увы — пиар, пиар...

Подведу итог. Читатель, профессионально знакомый с темой наркомании, вряд ли найдет в книге новую информацию. Остается предположить, что автор рассчитывал привлечь тех, кто лишь отдаленно, к счастью своему, знает о наркомании. Удалось ли?

Не оправдывает ожиданий

Евгений Ройзман — фигура яркая. Он известен не только как борец с наркоторговлей, но и как политик. Ещё бы, мэр города-миллионника! Вокруг его имени много сплетен, разговоров, догадок. Наверное, одни только обвинения в его адрес от недовольных родственников наркоманов, которые считают методы Фонда негуманными, могли бы составить целую повесть. От такого человека широкий читатель вправе ждать яркого, может быть, яростного повествования.

Первые страницы книги, действительно, заинтересовывают нестандартностью описаний, да и содержание, безусловно, оригинальное. Бесстрашные перечисления конкретных фамилий наркоторговцев, адресов сбыта, изобличения сотрудников полиции и представителей власти — размах серьезный. Но уже на десятой странице острота восприятия притупляется, а после двадцатой появляется скука. Хочется пролистать непонятные стороннему человеку перечисления улиц, районов, людей и скорее добраться до сути... Но и через пятьдесят и сто страниц — все то же однообразие: фамилии, “погоняла”, улицы, дома, отделения полиции...

Скучно, а жаль, начало предвещало намного больше.

Расстраивает

Итак, “Город без наркотиков”. Название, пожалуй, отражает суть: книга, действительно, о городе. Екатеринбург выступает главным героем. Но, увы, автор представляет нам его, как давнего знакомого, не считая нужным хотя бы слегка пройтись по основным характеристикам.

А если человек никогда не бывал в столице Урала? Среди читателей книги таких наверняка большинство. Что он узнает о городе, кроме того, что это рассадник наркоторговли, приют доходяг, барыг и их покровителей? Но если всё и впрямь так запущено, если это действительно **бездна**, то не логичнее ли просто бежать отсюда, куда глаза глядят, а то и вовсе не глядеть, зажмуриться от ужаса...

Правда, Ройзман бросает фразу: “Я люблю этот город”. Верю! Так же, как и тому, что екатеринбуржцы симпатизируют Евгению Вадимовичу. Иначе мэром не выбрали бы. Но это горожане знают о взаимной любви. Широкий читатель о ней не догадывается. И Ройзман ни слова не говорит ему о красоте города и его жителей. А ведь наверняка большинство из них пагубных привычек не имеют и вообще люди в высшей степени достойные.

Ройзман—борец и политик сумел завоевать их уважение и доверие. Но Ройзман—писатель, увы, не смог найти слов, чтобы достойно представить свой родной дом читателям по всей России.

Настораживает

Борьба... Все замечательно, не сразу даже понимаешь, что именно настораживает в книге. Какой-то бравадой отдает и удивительной везучестью. Нет, безусловно, автор упоминает про трудности борьбы, про препоны, конфликты с властью, угрозы, обыски и прочее. Но все это ничтожно мало по сравнению с тем, как реально могла бы отреагировать на обличения огромная — и предельно жестокая — “семья” наркоторговцев. В той среде могут переломать ноги, свернуть челюсть лишь за то, что сдал полиции барыгу.

Как-то с трудом верится, что наркомафия позволила горстке смельчаков уничтожать их бизнес, отправлять за решетку членов “семей”, защищать город от паутины торговли... Логично предположить, что против такой силы, как наркобароны, должна выступать ничуть не меньшая сила, причем подкрепленная хорошей “крышей” на более высоких уровнях власти. Иначе бы Фонд просто раздавили, как букашку, не дожидаясь, пока он реально что-то сможет сделать. А учитывая оппозиционную политическую настроенность главы Фонда, видимо и “крыша” где-то явно в оппозиционных кругах.

Хорошо это или плохо — не мне судить. Но настораживает и отталкивает само замалчивание этого вопроса — кто прикрывает тылы? Евгений Вадимович, если вы активно называете имена тех, с кем боретесь, то почему бы не назвать тех, кто вам помогает? Или что-то с ними не так, что они остаются за кулисами?